

И. Н. АЛЬТШУЛЛЕР. ЕЩЕ О ЧЕХОВЕ

Публикация Н. И. Г и т о в и ч

Впервые воспоминания врача Исаака Наумовича Альтшуллера о Чехове появились в газете «Русские ведомости», 1914, № 151, от 2 июля, под заглавием: «Отрывки из воспоминаний об А. П. Чехове». Более полные воспоминания были им написаны в 1930 г. и опубликованы в зарубежном журнале «Современные записки», Париж, 1930, XLI. Собираясь писать эти воспоминания, Альтшуллер обратился к М. П. Чеховой со следующим письмом (19 июля 1929 г.): «Ко мне теперь, по поводу годовщины, пристають с просьбами написать воспоминания об Антоне Павловиче. С одной стороны, я бы это сделал с удовольствием, так как ведь, сколько о нем ни написано, но ведь почти всегда что-нибудь новое находится у каждого. С другой стороны, мне, как бы это сказать, немного страшно, что ли. Мне ведь в последние годы его жизни пришлось очень близко быть около него, иногда, когда других наблюдателей и не было. Да и по положению я мог видеть и наблюдать многое, что недоступно посторонним, то, что, пожалуй, знаете только вы, хотя мы почти никогда или только очень редко и только вскользь касались этих тем. Исчезнем мы и немногие другие и, мне кажется, об Антоне Павловиче останется у потомства неверное, точнее не полное, представление. Как вы об этом думаете? Напишите мне об этом непременно».

В воспоминаниях 1930 г. Альтшуллер полнее и глубже, чем в 1914 г., осветил некоторые стороны последних лет жизни Чехова. Но «историю болезни Чехова и ее связь с событиями последних лет жизни» Альтшуллер изложил полностью только в последнем, публикуемом ниже, тексте воспоминаний. Впервые эти воспоминания напечатаны в «Новом журнале», Нью-Йорк, 1943, кн. IV.

Мне приходилось уже делиться отрывками своих воспоминаний о Чехове в печати, в последний раз в 1930 году, по случаю исполнившегося двадцатипятилетия со дня его смерти¹. Сестра Чехова, Мария Павловна, писала мне тогда: «Воспоминания о брате пишете обязательно; вы *должны* это сделать»². Как единственный в сущности врач, наблюдавший в последние 5—6 лет (а раньше ведь он вообще не лечился) течение его болезни, как человек, имевший при этом возможность наблюдать многое, обычно от постороннего глаза скрытое, я и сам чувствовал, что на мне лежит долг рассказать об этой части моих воспоминаний, но тогда, в 1930 году, я по разным соображениям считал неудобным подробно на этом останавливаться. В настоящее время я хочу это сделать, изложить историю его болезни и ее связь с событиями последних лет его жизни. Позволю себе и здесь рассказать о начале нашего с ним знакомства, так как оно наложило известный отпечаток и на наши дальнейшие отношения.

В конце сентября 1898 года, я, спасаясь от гнилой северной осени, приехал на короткое время в Ялту, которой раньше не знал. Здесь я познакомился с доктором С. Я. Елпатьевским³, который только незадолго перед этим переселился окончательно из Н.-Новгорода в Ялту, строил себе, как говорил Чехов, «с аппетитом» дачу и был влюблен в южный берег Крыма. Он очень красноречиво и настойчиво доказывал необходимость и мне покинуть север и в подкрепление своих доводов сообщил, что вот

и Чехов приехал недавно ⁴ и уже решил перекочевать сюда. И вот как-то, когда мы проходили через городской сад, Елпатьевский увидел на одной из скамеек Чехова, подошел к нему, познакомил нас, затем вскоре ушел, и мы остались вдвоем. Разговорились, и выяснилось, что мы в некотором роде товарищи по несчастью. У Чехова, как известно, туберкулез легких был, так сказать, официально констатирован весной 1897 года⁵, и следующую осень и зиму он провел в Ницце⁶. Поздней весной того же, 1897 года заболел остро и я, продолжал работать, но осенью был в довольно скверном состоянии отвезен в Ментону. Значительно уже поправившись, я познакомился с наезжавшим в Ментону из Ниццы вице-консулом Юрасовым, питавшим большую слабость к литературе и литераторам, необыкновенно сердечным и милым старичком; и вот он меня все уговаривал переехать из скучной Ментоны в Ниццу, где имеется Pension russe «с настоящим русским самоваром и настоящей кулебякой», а главное — в этом пансионе проживает и необыкновенно интересный, веселый и прекрасный писатель А. П. Чехов. Было это очень соблазнительно, но не укладывалось в намеченный мною план лечения и занятий, и видеть Чехова тогда мне так и не пришлось. И вот теперь, оба опять спасаясь от северной осени, мы встретились. Выяснилось также, что у нас много общих приятелей и друзей среди земских, главным образом, московских врачей. Случилось так, что на следующий же день приехал в отпуск один из них, известный земский врач И. И. Орлов⁷, и как-то вышло, что, ничем не занятые, стали мы втроем проводить значительную часть дня вместе. Осень в тот год выдалась исключительная даже для Крыма. Чехов был в прекрасном настроении, в каком никогда потом я его уже не видел. Ему было 38 лет; он тогда имел еще довольно бодрый вид и, несмотря на то, что ходил несколько сторбившись, в общем представлял стройную фигуру. Только намечавшиеся складки у глаз и углов рта, порой утомленный взгляд и, главное, на наш врачебный глаз заметная одышка, особенно при небольших даже подъемах, обусловленная этой одышкой степенная медленная походка и предательский кашель говорили о наличии недуга. Тщательно избегал говорить о последнем только сам больной. Он тогда очень много рассказывал о своем детстве; вспоминал гимназические и студенческие годы, жизнь в Таганроге, особенно тепло говорил про покойного брата художника Николая. Рассказывал про начало своего писательства и как тогда, вначале, легко писалось: «Бывало стынешь на лестнице в купальне, расскажешь и напишешь, а потом по дороге его в почтовый ящик опустишь». Рассказывал о встречах с разными писателями, о жизни в его усадьбе Мелихове и т. д. При этом воодушевлялся, лучистые глаза весело искрились, правый указательный палец беспрерывно расправлял правый ус, и рассказ часто прерывался его характерным смехом. Время от времени делалась пауза, чтобы сделать два-три глотательных движения для подавления позывов на кашель, так как кашлять и при нас не полагалось.

Приняв решение переселиться в Ялту окончательно, он приступил к постройке дачи на приобретенном участке⁸. В значительной мере под влиянием Чехова придя, в конце концов, также к заключению о необходимости покинуть север, я снял в Ялте квартиру, и так как раньше конца года семья моя не могла переехать, то Чехов перебрался на время ко мне⁹.

С первого же дня нашего знакомства я поддался его обаянию и крепко к нему привязался. Когда по приезде в Торжок для ликвидации своих дел я рассказывал о нем моим товарищам и друзьям, то они, смеясь, утверждали, что это у меня «курортное увлечение». Помню, я и сам вначале старался разобраться, не играет ли в этом увлечении роль некоторый гипноз от близкого общения с писателем, популярноеть которого тогда была уже велика и все возрастала, однако вскоре убедился, что обаяние его личности основано было исключительно на редких качествах его души и ори-

гинального блестящего ума. И в последующие шесть лет, до самой его смерти, находясь в постоянном общении с ним, я ни разу не имел повода усомниться в правильности этого заключения.

Я имел возможность в разное время близко наблюдать отношение к Чехову многих тогдашних и уже известных и только начинающих писателей. Я уже в другом месте отметил совершенно исключительное, я бы сказал, нежное отношение Л. Н. Толстого к Антону Павловичу, как ни к кому другому из писателей, притом не только как к художнику, но и как к человеку¹⁰. Но и старый, хворый, сильно сдавший и раздражительный Станюкович, с нескрываемым пренебрежением и даже враждебностью относившийся к младшему поколению писателей; и оригинальный, красочный Мамин-Сибиряк, тоже очень критически относившийся к некоторым выдвинувшимся молодым «мелкопитающим миазмам», и Короленко, и народник, врач, писатель и публицист, деликатный, но очень строгий и принципиальный в вопросах общественных и моральных Елплатевский, и только что из Н.-Новгорода в большой свет пустившийся и сразу вознесенный Горький; и Бунин; и жизнерадостный Потапенко, и только что появившийся и жадно упивавшийся новой жизнью Куприн; и железнодорожный инженер, очаровательный рассказчик и собеседник Гарин-Михайловский, и Чириков, и Скиталец, и Вересаев — все эти столь различные по духовному облику и по политическим тяготениям люди поддавались обаянию личности Чехова и как-то особенно почтительно и бережно держались по отношению к нему. Конечно, тут играли роль и его уже всеми признанный талант (хотя ведь и среди писателей профессиональная ревность — явление не редкое), и в известной степени его болезнь, но прежде всего это была невольная дань его моральному облику человека необыкновенно доброго, тонкого, чуткого, с грустью и незлобивым юмором, неотразимо к себе привлекавшего. Доброта его, желание быть чем-нибудь полезным, помочь в мелочах и в крупном были совершенно исключительны.

В годы нашего общения Чехов был вообще, особенно с людьми мало знакомыми, мало разговорчив; замечалась какая-то особенная сдержанность в его манере, какая-то настороженность. Но ко всем одолевавшим его посетителям относился он одинаково внимательно, и я часто поражался его выдержке и терпению. Он одинаково терпел и от незадачливого сочинителя в лице захоластного фельдшера, специально приехавшего посоветоваться с ним, так как «вы ведь нашего медицинского персонала», и от вновь назначенного начальника главного тюремного управления Саломона, посетившего его для обмена мнениями по поводу предположенной им реформы Сахалинской тюрьмы, просидевшего полдня, но о каторге только вскользь упомянувшего, а с увлечением говорившего о литературе, читавшего наизусть стихи, в том числе и латинские из «Энеиды»¹¹. А у Чехова в это время была очень срочная работа. Ему приходилось много времени тратить на прочтение присылаемых рукописей; и к этому он относился чрезвычайно добросовестно и всегда отвечал авторам. Я не знал ни одного писателя, который бы так сердечно и доброжелательно относился к товарищам по перу, как Чехов, и искренне приветствовал появление всякого нового таланта, всякой новой талантливой, по его мнению, вещи, и всегда спешил поделиться своим открытием. Известно, как он сразу высоко оценил Горького, и еще до личного знакомства вступил с ним в переписку, хотя и отметил, что это «залихватский, несдержанный талант, что в нем нет грации и что он некоторых своих героев никогда в жизни не видал»¹², но был уверен, что это пройдет, что он от этого отделается. Известно, как он уговаривал его писать пьесы, как давал ему практические в этом отношении указания и советы и какое участие принимал в устройстве его пьес в Художественном театре.

Он любил делиться впечатлениями от прочитанного. Определения его часто заканчивались меткой, образной характеристикой. Как-то я застал его за чтением нового рассказа Елпатьевского, к которому он вообще относился очень хорошо. «Ну что, нравится вам?» — «Хорошо, это вообще хорошо, что он пишет, тяжеленько и все-таки хорошо. Знаете, как тарантас: тряско и неудобно, а по нашим дорогам без него никак нельзя». Потом, помолчав немного, прибавил: «Вот только жаль, что про любовь ему писать нельзя, а без любви писать рассказы трудно». И на мой вопросительный взгляд докончил: «Жена про любовь не позволит» (конечно, не в жене тут было дело). И в литературных произведениях, как и в жизни, он не выносил фальши и иногда говорил: «Очень хорошо написано, только выдуманно, не видел он этого никогда».

Только оставаясь в кругу близких, людей ему приятных, и когда он бывал в хорошем настроении, и в период лучшего физического самочувствия, он выходил из своей замкнутости, вел длинные оживленные беседы на самые разнообразные темы, шутил, смеялся своим особым, чеховским, заразительным смехом. Но и тут всегда чувствовалось, что всех даже близких людей он держал на некотором расстоянии от себя, за некоторым барьером, куда никто не допускался. И в этом смысле я согласен с И. А. Буниным, что «никогда ни с кем не был он дружен по-настоящему». Поэтому, когда читаю о его особенной «крепкой и нежной» любви к кому-нибудь, то думаю, что это понимать нужно очень условно.

При всем его добродушии были, однако, категории людей, которых он выносил с трудом; сюда прежде всего относились репортеры. Во время моей отлучки на север для ликвидации своих дел я в московской газете прочитал о тяжком заболевании Чехова, очень встревожился, но, приехав в Ялту, нашел его в прежнем состоянии. Он, негодуя, рассказал мне следующее. За неделю до моего отъезда, когда он еще жил у меня, как-то раз рано утром, когда мы еще не вставали, раздался стук в дверь (прислуга куда-то ушла), и на наш вопрос выяснилось, что пришли две дамы приглашать Чехова участвовать в благотворительном литературном вечере. Он, чтобы отвязаться, в щелку двери объяснил, что должен отказаться из-за недавно бывшего у него кровохарканья. «И вот, — продолжал Чехов, — барыня рассказала знакомому, прибавив „частые“ кровохарканья; знакомый телеграфировал в одесскую газету, где прибавили кашель; петербургские „Новости“ перепечатали телеграмму, прибавив лихорадку; московские „Новости дня“ — „мучительный кашель“ и т. д., и вот представьте себе дома встревожились и вышло безобразие. Говорил же я вам, что одесские репортеры ужасные люди». — «Но позвольте, причем же одесские репортеры в прибавках столичных газет?» — «Вы уж поверьте мне, я их знаю, это всё одесские репортеры». «Одесские репортеры» имели, по видимому, в его устах особый, символический смысл.

Очень много писалось о равнодушии Чехова к общественным вопросам, о его «холодной крови»¹³. Как-то, рассказав о прочитанной статье Михайловского, где указывалось, что он, Чехов, вступил в новый, третий период, он комически развел руками и прибавил: «да, то совсем не было периодов, а теперь вдруг три»¹⁴. Но даже и в этом третьем периоде, когда самые строгие критики не находили уже, что «даром (понимать надо в общественном смысле. — И. А.) пропадает такой талант», в эти последние годы его жизни приходилось иногда наблюдать в отношениях к нему некоторых левых писателей и общественников какую-то, правда очень сдержанную, но все-таки снисходительность. Если это было курьезно и тогда, то совсем непонятно через 25 лет после его смерти в посвященной ему очень теплой статье П. Б. Струве читать как основное положение, что «миросозерцание Чехову не было дано»¹⁵. Я Чехова знал в его «третьем периоде», как человека с очень определенным миросозерцанием, но оно не родилось в этот

ЧЕХОВ

Одна из последних фотографий писателя
Собрание А. Л. Лесса, Москва

третий период. Конечно, Чехов по натуре своей совершенно не был активным борцом, он сам неоднократно это повторял, и я не могу себе никак представить его, например, активным членом какой-нибудь политической партии. Он был для этого, между прочим, и слишком большим скептиком. Чехов и не принадлежал также к тем, которые уже с гимназической скамьи приобщаются к общественным интересам. Этому не способствовала и среда, в которой он вырос, и условия жизни. Детские и юношеские годы он провел в Таганроге. Домашняя обстановка была во многом тяжелая; отец заставлял сыновей, в том числе и Антона, петь на клиросе, заменять его в мелочной лавке, и главное, бил и часто порол их, и этого последнего Антон Павлович никогда не мог забыть и простить. В конце концов отец разорился, семья переехала в Москву, а Антон Павлович остался в Таганроге репетитором у нового владельца их дома. Когда по окончании гимназии он приехал в Москву и, благодаря таганрогской стипендии, поступил в университет, то застал семью в крайней бедности. И он, и его брат, художник Николай, своими грошевыми гонорарами в «Стрекозе», «Будильнике», «Зрителе» должны были ее содержать. В редакциях этих тогдашних юмористических журналов, где он проводил и все свое свободное от занятий время, менее всего занимались общественными вопросами. Но вот, будучи уже на последнем курсе, он проводит летние каникулы у брата Ивана в Воскресенске Звенигородского уезда, где тот учительствует, соприкасается здесь впервые с незнакомой до того средой, преимущественно земской, и в частности земско-медицинской, и его общественные интересы и симпатии получают совершенно определенный уклон. Этими новыми настроениями вызвана была, несомненно, в значительной степени и его поездка в 1890 году на Сахалин, по его определению, «место невыносимых страданий, где мы сгноили в тюрьмах миллионы людей»¹⁶. А в мелиховский период (Мелихово приобретено было в 1892 г.) он принимает деятельное участие в местной земской и общественной жизни. Едет на голод в Воронежскую и Нижегородскую губернии; с появлением холеры в 1892 году берет на себя заведование холерным участком. Заведует постройкой нескольких школ в Серпуховском уезде и одну из них, в Мелихове, строит на свои собственные средства. Состоит членом земского санитарного совета в своем уезде, попечителем двух земских школ, а затем и гласным земского собрания; служит посредником между крестьянами и земством по страхованию скота; очень серьезно относится к принятой на себя обязанности помогать по наблюдению за народным образованием в уезде. Устраивает у себя в усадьбе бесплатный прием больных крестьян, причем они по возможности и лекарствами снабжались — тоже, конечно, даром. Принимает на себя заведование участком во время народной переписи 1896 года¹⁷. Нужно помнить, что все это относится к 90-м годам, когда земство было одним из немногих мест, где могла проявляться, да и то со всякими препятствиями, прогрессивная общественная работа. Известно также, сколько внимания, забот и труда он посвятил просветительным учреждениям своего Таганрога. О том, что Чехов во всех этих «малых делах», значение которых для того времени было неизмеримо больше, чем это может казаться теперь, держал себя безукоризненно с точки зрения общественной, может быть, лучшим доказательством может служить отношение к нему передовых московских земцев и в особенности московских земских врачей, организации в общественных вопросах очень строгой. А они окружали его необыкновенным уважением и любовью и связь его с ними никогда не прерывалась. В 1902 году в Москве собрался очередной Пироговский съезд. В Татьянин день Художественный театр устроил для участников съезда торжественный спектакль «Дяди Вани»¹⁸, и съезд приветствовал Чехова трогательной товарищеской телеграммой; отдельно

послали телеграмму земские врачи¹⁹. Театру, кроме того, поднесен был портрет Чехова.

Много ему попадало за Суворина и «Новое время». Он навсегда запомнил, как Суворин вместе с Григоровичем, Плещеевым и Полонским помогли ему выбраться из «Осколков» и «Будильника» и сохранил к Суворину благодарность как за это, так и за его личные неизменно до конца дружеские отношения. И, однако, при всем этом, он, который когда-то утверждал, что «будет печатать там, куда занесет ветер и свобода», уже с начала 90-х годов перестает печататься в «Новом времени», а после процесса Дрейфуса, возмущенный отвратительным поведением «Нового времени», он резко и навсегда порвал с редакцией и не мог потом хладнокровно говорить о ней²⁰. Он стал, как известно, своим человеком в «Русской мысли» и «Русских ведомостях». Но лично с Сувориним он сохранил, хотя и несколько охладевшие отношения до конца. Объясняется это в значительной степени тем, что в своей интимной переписке с Чеховым Суворин бывал часто не Сувориним «Нового времени». И о студенческих беспорядках и даже о процессе Дрейфуса и о многих других тогдашних явлениях русской жизни он в своих письмах писал так, что когда Чехов передавал их содержание или изредка читал некоторые отрывки из писем этих, то не верилось, что автором был Суворин. Вообще обнародование этих писем представляло бы громадный общественный интерес. К сожалению, этого никогда не случится. Вскоре после смерти Чехова я раз срочно был вызван Марией Павловной, и она рассказала мне, что утром прямо с парохода явился к ней Суворин, специально для этого приехавший из Феодосии, и долго убеждал ее вернуть ему его переписку с Антоном Павловичем. Она этим уговорам поддалась, о чем потом очень жалела, а Суворин письма, конечно, уничтожил²¹. Между прочим, Суворин аккуратно снабжал Чехова нелегальным «Освобождением»²².

В ялтинский период интерес Чехова к общественным вопросам был велик и, я сказал бы, все возрастал. Кажется, не было ни одного относящегося сюда явления, на котором он не остановился бы в наших беседах, и «миросозерцание» его было часто много левее среднепрогрессивного. При этом я заметил, как много своих мыслей он вкладывал в уста некоторых своих героев, а впоследствии из обнародованной его переписки увидал, что развитие его миросозерцания и «выдавливание из себя по каплям раба»²³ шло в неизменном направлении задолго до «третьего периода». В дневнике Чехова мы находим запись по поводу банкета в годовщину освобождения крестьян: «Скучно и нелепо. Обедать, пить шампанское, галдеть, говорить речи на тему о народном самосознании, о народной совести, свободе и т. п. в то время, когда кругом стола снуют рабы во фраках, те же крепостные, а на улицах, на морозе ждут кучера, — это значит лгать святому духу»²⁴; и этих же тем, почти в тех же выражениях он неоднократно касался и в разговорах. И. А. Бунин приводит слова Антона Павловича: «я терпеть не могу русских студентов». Это были, конечно, слова, брошенные в пылу полушуточного разговора. Я помню его горячий спор с академиком Н. П. Кондаковым, который по поводу петербургских студенческих беспорядков осуждал и власть и профессуру, но очень бранил и студентов, и как Чехов защищал последних, а когда Кондаков ушел, заметил: «Вот оттого и бунтуют молодые, что такие старики». Он особенно горячо всегда хлопотал о помощи учащимся, и сам оказывал им посильную материальную поддержку. Он только и тут не допускал фальши и не закрывал глаз на то, что и в их среде попадаются всякие и что случается, что радикальный студент потом делает в качестве прокурора карьеру на политических процессах. Между прочим, того же Кондакова он однажды долго и серьезно убеждал провести в академики Михайловского²⁵. Когда в 1902 году были отменены выборы Горького в Академию, он, как

известно, послал свой мотивированный отказ от этого почетного звания. А чтобы оценить этот поступок, нужно, между прочим, вспомнить, с каким отвращением он относился ко всякого рода публичным выступлениям и демонстрациям.

Чехов говорил, как и писал, необыкновенно просто и не выносил пышных, надуманных, искусственных фраз. Как-то сидела у него передовая дама, говорила долго обо всяких высоких материях. Он молча слушал ее, а когда она вышла, расхохотался и определил: «Ну и шарманка», и так шарманкой она и осталась. И с каким юмором он рассказывал, как одна наша общая знакомая, тогда убежденная эсдечка²⁶, доказывала ему, что после «Мужиков» и «Оврага» и участия его в журнале «Жизнь»²⁷ он ведь уже стал настоящим марксистом, но только еще сам этого не осознал.

Во всей биографии Чехова нельзя найти и намек на какой-нибудь антиобщественный или некорректный поступок. И когда в последний год своей жизни он не раз убежденно кончал разговор словами: «Вот увидите, скоро у нас будет конституция», то это была не фраза, а выражение искреннего убеждения.

Чехова отличало, я бы сказал, благоговейное отношение к науке. О Горьком и других вышедших из народа писателях-самоучках (их называли «подмаксимками») он говорил: «вот бы им только подучиться, а то без образования нельзя». Он верил, что безостановочный прогресс науки облагородит человечество. И тут он, глубокий скептик во всем остальном, становился энтузиастом²⁸.

Антон Павлович был, как известно, врачом и очень любил медицину. Студентом и первое время по окончании не собирался бросать ее. Еще во второй половине 80-х годов он писал, что «медицина моя законная жена, а литература — любовница» или «я врач и по уши втянулся в свою медицину»²⁹. По окончании курса он заменял одно время врача Звенигородской земской больницы и уездного врача. И в Москве занимался частной практикой. По-видимому, собирался писать и какую-то специальную работу. Надо думать, он и на свой Сахалин смотрел, как на медико-статистическую работу. Готовясь к поездке, очень серьезно, тщательно сам разработал регистрационную карточку, и там, на Сахалине, проделал громадную статистическую работу, в течение трех месяцев обошел всю каторгу с севера на юг, лично опросил всех каторжан и заполнил 10 000 индивидуальных карточек. В Мелихове до перехода своего на положение больного, т. е. в течение 5—6 лет, он принимал до 1000 обращавшихся к нему больных крестьян в год. Где-то я даже читал, что Чехов выражал желание, уже после поездки на Сахалин, «взять» приват-доцентуру по внутренним болезням, но это, конечно, вздор³⁰, как и заявление, что в его книжном шкафу в Ялте был значительный отдел медицинских книг. Там было несколько старых учебников и лекций Захарьина, и никогда я не видел и не слышал от него, чтобы он в эти книги заглядывал. С 97-го года он от медицины совсем отошел. Правда, из редакции «Русской мысли» ему аккуратно пересылали еженедельник «Русский врач», но он в нем просматривал только хронику и иногда мелкие «Заметки из практики» и любил поражать вычитанными «новыми средствами». И на письменном столе на определенном месте, как впрочем всё на этом столе, всегда лежали молоточек, трубочка и медицинский календарь Риккера за текущий год. Он принимал всегда деятельное консультативное участие в лечении своих домашних, любил давать советы приятелям. Но обычно это оканчивалось указанием, что надо серьезно лечиться и обратиться к врачу... Любил писать рецепты. О своей работе в земской среде он всегда вспоминал и рассказывал с теплым чувством. Связь с ней он не порывал до конца жизни. Он не раз повторял, что медицина не только значительно продвинула об-

ласть его наблюдений, обогатила знанием, но и считал, что, в частности, она имела серьезное влияние и на его литературную деятельность³¹. Естественно, что он хорошо знал врачебную среду, — и ни у одного автора не было выведено столько типов врачей, как у Чехова. Тема о врачах в произведениях Чехова может служить темой интересного исследования.

Тем обстоятельством, что Чехов был врач, объясняются и некоторые особенности истории его болезни. Как это ни странно, но как раз врачи чаще других впадают в две возможные крайности: или они переоценивают свои болезненные ощущения и симптомы и относят к себе все наиболее неблагоприятное, что знают из книг или практики про свою болезнь, или, наоборот, недооценивают того, что есть, отмахиваются от самых, казалось бы, убедительных симптомов, опять-таки стараясь обосновать свое отношение специально медицинскими доводами и соображениями. Много писалось и о специальной психике туберкулезных. Но и среди последних можно наблюдать такие же разнообразные характеры и типы, как и среди страдающих другими болезнями. Только здесь под влиянием некоторых особенностей течения болезни, ее часто медленного развития и длительности и созданных этими особенностями особых условий указанное выше ненормальное отношение к болезни сказывается особенно резко. Чехов является ярким примером длительного и упорного игнорирования, казалось бы, ясных и бесспорных явлений.

Я уже указывал, что в первое время нашего знакомства о его болезни разговора не было и осторожные мои и доктора Орлова попытки коснуться этого вопроса успеха не имели; и во время нашей короткой совместной жизни он нередко обращал внимание на мой кашель и серьезно советовал мне серьезно заняться своим здоровьем, но тщательно избегал касаться своего недуга. 27 ноября, вскоре после моего возвращения из краткой отлучки на север, мне рано утром подали доставленную от Чехова в запечатанном конверте записку: «*Cher monsieur, auriez vous l'obligeance de venir chez moi. Je garde le lit. Votre dévoué A. Tsch.*» и после этих изысканных французских строк по-русски: «захватите с собой, товарищ, стетоскопчик и ларингоскопчик»³². Ларингоскопчика я не захватил, поняв, что это лишнее, но поспешил к нему и застал его в постели с порядочным кровохарканьем. И с этого дня он становится уже моим пациентом. Когда через несколько дней после остановки кровохарканья я мог детально его исследовать, то был поражен найденным. Я нашел распространенное поражение обоих легких, особенно правого, с явлениями распада легочной ткани, следы плевритов, значительно ослабленную сердечную мышцу и отвратительный кишечник, мешавший поддерживать должное питание. Приходилось читать, что Чехов заболел, блуждая осенью 1896 года целую ночь по Петербургу, после провала «Чайки». Это одна из легенд. При этом нашем первом медицинском разговоре он начал летоисчисление с года поездки на Сахалин (1890), когда у него еще по дороге туда случилось кровохарканье, но впоследствии выяснилось, что оно появлялось уже в 1884 году³³ и потом нередко, иногда по несколько раз в год повторялось. 15-ти лет от роду он перенес какое-то острое длительное лихорадочное заболевание, после того как выкупался в ледяной воде, и провалился тогда некоторое время в еврейской корчме в степи (впоследствии им описанной) и затем еще довольно долго и дома³⁴. И в студенческие годы, как я узнал потом от товарища его, студентом проживавшего у Чеховых, он много кашлял, нередко лихорадил, объясняя это простудой, никогда не лечился, не давал себя выслушивать, чтобы «чего-нибудь там не нашли». Суворин, имевший возможность близко наблюдать Чехова во время их совместных путешествий и частых встреч, настаивал на необходимости лечиться, и Чехов в своих письмах к нему, хотя и подтверждает наличие кашля и кровохарканий, и признает, что последние пугают его, так как «в крови,

текущей изо рта, есть что-то зловещее, как в зареве», но тут же наставительно, как врач, поучает, что «чахотка или иное серьезное легочное страдание узнается только по совокупности признаков, а у меня-то именно нет этой совокупности»³⁵. И в другом письме: «Если бы кровотечение, какое у меня случилось в окружном суде (в 1885 году на знаменитом процессе скопинского банка), было симптомом чахотки, то я давно уже был бы на том свете, вот моя логика»³⁶. В 1889 году умер от туберкулеза брат его Николай, художник, но и это не подействовало, и в 1891 году он пишет: «Я продолжаю тупеть, чахнуть и кашлять. Впрочем, все это от бога. Лечение и забота о своем физическом существовании внушает мне что-то близкое к отвращению. Лечиться не буду. Воды и хину принимать буду, но выслушивать себя какому-нибудь врачу не позволю»³⁷. И не позволял себя выслушивать и не обращался к врачам до весны 1897 года (почти 15 лет!), когда хлынувшая за обедом с Сувориным в «Славянском базаре» обильная кровь и вмешательство Суворина и врача заставили его лечь в клинику профессора Остроумова, где был диагностирован активный процесс в обоих легких. На этот раз Чехов понял и уже на следующий день из клиники писал: «Для успокоения больных им говорят, что кашель желудочный, а кровь геморроидальная. У меня кровь идет из правого легкого, как у брата и другой родственницы, тоже умершей от чахотки»³⁸. Затем лето в деревне, осень и зима на Ривьере, где он живет, но не лечится, и уехал оттуда в Париж, уже в середине марта, в самое неподходящее время, когда многие как раз спасаются на Ривьеру. Сестра и брат его отмечают, что по возвращении его из-за границы летом в Мелихове по обыкновению было много гостей, друзей, но он уже не шутил, был задумчив и стал мало разговаривать. И вот теперь в Ялте ему опять пришлось обратиться к врачу. Однако мои тогдашние старания убедить Чехова в необходимости приняться серьезно за лечение сначала опять оставались без особого результата. Он упорно повторял, что лечиться, заботиться о здоровье внушает ему отвращение. И ничто не должно было напоминать о болезни, и никто не должен был ее замечать. Поэтому и выработал он такую манеру говорить, не повышая голоса, медленно, и если уж приходилось кашлять, то мокрота по возможности незаметно отплевывалась в маленький заранее приготовленный бумажный фунтик, тут же спрятанный где-нибудь за книгами и отправляемый потом в камин. И не только с посторонними не любил он говорить о своей болезни, но от своих домашних скрывал свои немощи, никогда не жаловался и на вопрос: «Как себя чувствуешь?» — отвечал: «Сейчас хорошо, почти здоров, только вот кашель».

Так как, пользуясь современной терминологией, мой блицкриг не удался, то я повел медленное наступление, и постепенно, с трудом, но добился относительных успехов, так что к 1901 году он перешел уже на положение настоящего пациента и сам уже иногда предлагал: «Давайте, послушаемся». Трудно было ему привыкнуть к Ялте, к «теплой Сибири», как он ее называл, или после процесса Дрейфуса еще «Чертовым островом». Трудно ему было примириться с оторванностью от привычной литературной среды, привычной обстановки, скучно «без культуры, без московского звона», последнее особенно. Его привязанность к Москве была исключительной и иногда выражалась в курьезных формах. Так он аккуратно выписывал из Москвы почтовую бумагу, конверты, *w*-бумагу, калоши, колбасу, утверждая, что только в Москве можно найти такие, как ему требуются, хотя само собой все это можно было получить и в ялтинских магазинах того же качества и даже тех же фирм. Но переубедить его в этом не было никакой возможности.

В Ялте он себя в первое время чувствовал как «заштатный поп». Но в известной степени так себя чувствовали в первое время многие из вы-

нужденных обитателей Ялты, тоже вырванные из привычной среды. Большинство из них, однако, через более или менее короткое время приспособлялись к новым условиям жизни, вживались. Привык бы и Чехов. Да он и писал впоследствии жене (осенью 1903 года), когда это вовсе уж не могло вызвать радостной реакции у адресата, что «к Ялте уже начинаю

И. Н. АЛЬТШУЛЛЕР

Фотография, 1900-е гг.

Собрание Л. И. Альтшуллера, Москва

привыкать, пожалуй, научусь здесь работать»³⁹. Да он ведь и не переставал в сущности работать. За первые полтора-два года его ялтинской жизни многое как будто бы и облегчало это приспособление к новому месту. Постройка собственной уютной дачи, переезд матери и частые наезды сестры, продажа сочинений Марксу на условиях, тогда казавшихся очень выгодными и во всяком случае обеспечивавших его материальное положение, выборы в почетные академики в начале 1900 года. Среди примечаний Дермана к изданию переписки Антона Павловича с О. Л. Книшпер, вообще очень ценных и внимательно составленных, есть одно, где он говорит о том, что к выборам в академию Чехов отнесся «в лучшем случае безразлично, вернее отрицательно»⁴⁰. Это неверно. Чехов, правда, отметил, что

просто в равноправные члены академии ученые не решились избирать людей не из своей среды, но все-таки был очень доволен, и не только потому, что «врачи московские радуются», но, главным образом, потому, что видел в этом признание русского писателя. Он был в хорошем настроении, читал из присланной книжки описание парадного академического мундира и, смеясь, рисовал картину, как в солнечный ясный день по ялтинской набережной понесут открытый гроб с ним в белых штанах и парадном мундире, спереди крышка гроба со шпагой и треуголкой, а еще впереди торжественно буду шествовать я, неся подушку со всеми его орденами: медалью за перепись и Станиславом 3-й степени, полученным им как почетителем школы. Далее, весной того же 1900 года в Ялту специально для него приезжала труппа Художественного театра. Наконец, это время совпало как раз с периодом расцвета Ялты и южного берега Крыма, который все больше начинал играть роль русской Ривьеры, и сюда приезжали в большом числе представители и литературы и науки и искусств. Среди них было много «беспокойщиков», но было и много лиц ему приятных, как раз хоть отчасти заменявших пробелы в привычной среде. И я начинал надеяться, что понемногу он займется и правильным лечением и здоровье его наладится. Правда, как это ни странно, было много обстоятельств, зависевших от окружающей его дома обстановки, мешавших правильному его лечению. Для таких больных одним из главных условий последнего является правильный режим, в частности пищевой. Чехов был очень привязан к семье, но особенно нежно любил свою мать, окружая ее трогательной заботливостью, и последние слова в его письме-завещании на имя сестры были: «береги мать»⁴¹. И Евгения Яковлевна платила своему Антоше той же исключительной нежностью. Но что могла сделать эта милая всеми любимая старушка! Разве могла она что-нибудь провести или на чем-нибудь настоять! Кухней заведовала древняя-древняя старушка Марьюшка, привезенная из Мелихова. И выходило так, что, несмотря на все предписания, пищу давали ему часто совершенно неподходящую, а компрессы ставила неумелая горничная, и о тысяче мелочей, из которых состоит режим такого больного, некому было позаботиться. Сестра его Мария Павловна, очень всегда заботившаяся о матери и о брате Антоне, и духовно больше всех близкая ему, когда выяснилось положение, была совсем уже готова покинуть Москву, где она учительствовала в частной женской гимназии, и переехать совсем в Ялту, и я не сомневаюсь, что вдвоем мы в конце концов поборол бы сопротивление Антона Павловича, но после его женитьбы план этот по психологически понятным причинам отпал. С этого времени условия его жизни резко изменились, и исключительно с чисто врачебной точки зрения я должен сказать, что изменения эти, к сожалению, не могли способствовать ни лечению, ни улучшению его здоровья.

Одному известному французскому специалисту по туберкулезу принадлежит афоризм: «чахоточные должны забыть о лаврах». И судьба Чехова этот афоризм как будто подтверждает. Его несчастьем было счастье, выпавшее на его долю к концу жизни и оказавшееся непосильным для него: женитьба и Художественный театр. Я помню, как волновался Чехов перед первой постановкой его «Чайки» в Художественном театре, как этого волнения он не мог скрыть и как оно выражалось между прочим в подробных рассказах о провале этой пьесы в Александринке, и помню, в каком длительном радостном возбуждении он находился после торжества и одержанной в Москве победы. И он, давший себе раньше слово порвать с театром и не писать больше пьес, пишет новые пьесы уже специально для этого театра, и Художественный театр становится театром Чехова, и очень много содействует увеличению его популярности. И затем женитьба. Когда я летом 1901 года в Лозанне из «Русских ведомостей» узнал об их

браке, это не явилось полной неожиданностью, так как о их близости окружающие догадывались давно. Но мне почему-то вспомнилось тогда, как в приезд Ольги Леонардовны к Чеховым в Ялту весной 1900 года я как-то застал группу: она с Марией Павловной на верху лестницы, а внизу, беседуя с ними, стоял Антон Павлович. Она в белом платье, радостная, сияющая здоровьем и счастьем, в начале блестящей карьеры, первая актриса Художественного театра, в центре внимания не одной только Москвы, с огромными возможностями в будущем, и он, всего лет на десять старше ее, но осунувшийся, худой, пожелтевший, быстро стареющий, безнадежно больной.

От Чехова, когда он бывал в особенно хорошем настроении, приходилось иногда слышать, как он с приятелями, случалось, в молодости веселился. У него были приятельницы среди писательниц, артисток, художниц, но я никогда ни от него самого, ни от других его близких, не слышал ни про одно его серьезное увлечение. С Ольгой Леонардовной он познакомился осенью 1898 года, когда по дороге в Крым бывал в Москве на репетициях «Царя Федора» и «Чайки» в только что организовавшемся Художественном театре, и с первой же встречи их потянуло друг к другу.

Ольга Леонардовна вскоре затем знакомится с его сестрой, и между ними установились очень дружеские отношения. Весной 1899 года Чехов, по горло ушедший в постройку дачи, уезжает неожиданно на север, как будто в Мелихово, «по всяким делам»⁴², но я тогда не догадался, по какому главному делу; он обещал вести себя там разумно, но застрял в Москве и писал мне: «Посетителей тьма-тьмушая, разговоры бесконечные, — и на второй день праздника (Пасхи) от утомления я едва двигался и чувствовал себя бездыханным трупом. Вчера был у Федотовой на ужине, который продолжался до 2-х часов ночи. Это я на зло вам»⁴³. Затем Ольга Леонардовна едет в Мелихово⁴⁴; затем случайная встреча в Батуме и совместная поездка морем в Ялту. В Ялте она гостит в семье знакомого доктора⁴⁵. Весной следующего 1900 года Художественный театр приезжает в Ялту, специально чтобы показать Чехову свои новые постановки. Но Ольга Леонардовна приезжает раньше и живет у Чеховых, а после спектаклей Антон Павлович провожает ее в Москву⁴⁶. В июле Ольга Леонардовна гостит опять у Чеховых в Ялте и в августе уезжает в Москву уже его невестой (тайно для всех)⁴⁷. Поздно осенью в самую скверную погоду он опять в Москве (кончает «Трех сестер»); затем зимой в декабре уезжает за границу⁴⁸, в Ниццу, Рим, собирался с М. М. Ковалевским в Африку, но эта поездка не состоялась, так как в феврале от скверной тамошней погоды он поспешил обратно в Ялту. В Риме он, между прочим, говорит Ковалевскому: «как врач знаю, что жизнь моя будет коротка»⁴⁹. Трудно представить себе образ жизни менее подходящий для лечения туберкулезного больного. Все эти поездки, связанные с ними переутомление, переживания совершенно не вяжутся с его лечением и заметно отражаются на его здоровье, которое быстро ухудшается. В начале лета 1901 года он опять в Москве, здесь из-за обострения показывается д-ру Щуровскому, и тот советует ему ехать на кумыс⁵⁰. Назначение, тогда очень меня удивившее, так как ни кумыс, ни вся тамошняя обстановка совершенно Чехову не подходили. Щуровский потом мне объяснил свое назначение тем, что Чехов многое от него скрыл, в частности и состояние своего кишечника. «На кумыс ехать одному скучно. Женится бы, да документов нет; они в Ялте, в столе», — пишет он сестре 24 мая⁵¹, а на следующий день они венчаются, не предупредив никого из родных, и из-под венца уезжают на кумыс. Я никогда не сомневался и не сомневаюсь в настоящей глубокой любви Ольги Леонардовны к Чехову, как убежден, что и Антон Павлович переживал первое в жизни серьезное чувство по-своему, по-чеховски, и здесь, как

увидим, сохраняя барьер между собой и, казалось бы, самым близким человеком. Но фатальные последствия этого брака для его здоровья не могли заставить себя ждать. Она должна была оставаться в Москве; он без риска и вредных последствий не мог покидать своей «теплой Сибири», и, зная Чехова, можно было вперед сказать, чем это кончится. У меня сохранилось письмо Ольги Леонардовны от 9 января 1902 года, когда у Чехова было обострение с значительным кровохарканьем, где она между прочим пишет: «Меня все время сильно беспокоит здоровье Антона Павловича, и хотя я знаю все, что с ним было, так как и он мне пишет каждый день и Мария Павловна писала, но я все-таки обращаюсь к вам с большой просьбой: расскажите мне все, все о здоровье Антона. Я знаю, что вы его слушали и лечили. Я должна все знать. Только об одном прошу — говорите мне все, как человеку, а не как женщине, не снисходите якобы до моего понимания. Вы меня мало знаете, но не примеривайтесь ко мне, пишите все просто и ясно, не преувеличивая и не скрывая ничего <...> Мне очень тяжела эта зима. Только что занята очень сильно, — это помогает. Такая разлука невысказима. Я все-таки думала, что здоровье Антона Павловича в лучшем состоянии, чем оно есть, и думала, что ему возможно будет провести хотя бы три зимние месяца в Москве. Ведь январь и февраль плохи в Ялте. Но теперь я об этом, конечно, и не заикаюсь в своих письмах <...> В таком одиночестве я еще никогда не жила; да еще вечная душевная тревога»⁵². Я в своем ответе просто и ясно обрисовал положение вещей. Она впоследствии и мне и Чехову говорила, что если это необходимо, она бросит сцену и переселится совсем в Ялту, но, конечно, это было бы несчастьем для обоих, если бы осуществилось. В письмах он ей по этому поводу писал: «Занимайся своим делом, а пожить вместе еще успеем» и «Не твоя вина, что бог вложил в тебя любовь к искусству, а в меня бактерии»⁵³. И Ольга Леонардовна писала ему, что «привязана к сцене, как дура», и в другой раз: «без дела я совсем надоем тебе. Я не такая уж молодая, чтобы в одну секунду сломать то, что мне досталось так трудно»⁵⁴. И вот начинаются постоянные поездки Антона Павловича из Ялты в Москву и обратно. Почти после каждой поездки в Москву он расплывается либо плевритом, либо кровохарканьем, либо длительными повышениями температуры. И иногда сознательно обманывает себя, но чаще просто не говорит того, что думает, когда, принимая следствие за причину, указывает, что «вот в Москве было недурно, а как в Ялту вернулся, так опять расхворался». Или пишет: «Мое здоровье в Москве было лучше, т. е. не здоровье, а желудок». Зимы 1901—1902 и 1902—1903 годов он почти все время плохо себя чувствует, проделывая те или другие обострения. К концу этого периода он очень изменился и внешне. Цвет лица приобрел сероватый оттенок, губы стали бескровны, он еще больше похудел и заметно поседел. Деятельность сердца все ухудшалась, процесс в легких все расплзался. В соответствии с этим стала все резче проявляться одышка, появились симптомы и туберкулезного поражения кишек.

Сознавал ли сам Антон Павлович в глубине души свое положение? Я уже приводил выше слова, сказанные им М. М. Ковалевскому в начале 1901 года. В марте этого же года, т. е. еще до венчания, Антон Павлович писал Ольге Леонардовне: «Да и здоровье мое становится, по-видимому, совсем стариковским, так что ты в моей особе получишь не супруга, а дедушку, так сказать»⁵⁵. Старый друг чеховской семьи, прекрасный всех их знавшая Т. Л. Щепкина-Куперник в своих воспоминаниях описывает свое посещение в Москве, относящееся к осени 1902 года: «Я изумилась происшедшей в нем перемене <...> Он горбился, зябко кутался в какой-то плед и то и дело подносил к губам баночку для сплевывания мокроты <...> В этот вечер Ольга Леонардовна участвовала в каком-то концерте. За ней приехал корректный В. И. Немирович во фраке с безупречным

белым пластроном. Ольга Леонардовна вышла в нарядном туалете, повеяло тонкими духами, ласково и нежно простилась с Антоном Павловичем, сказав ему на прощанье какую-то шутливую фразу, чтобы он без нее не скучал и „был умником“ — и исчезла. Антон Павлович поглядел ей вслед, сильно закашлялся и долго кашлял (...) и когда прошел приступить кашля, сказал без всякой видимой связи с нашим разговором, весело вертевшимся около воспоминаний Мелихова, прошлого, общих друзей: „Да, кума... помирать пора“⁵⁶.

Эти последние годы мое положение как врача очень затруднилось. Мне приходилось бороться не только с бактериями, но и с Москвой. И силы были неравны.

Весной 1902 года Ольга Леонардовна из Петербурга, где гастролировал Художественный театр, приехала в Ялту серьезно больной, и спустя несколько недель поехала долечиваться в Москву (...)»⁵⁷. Она стала в это время очень нервной, болезненно подозрительной, ревновала Антона Павловича к его семье, особенно к сестре Марии Павловне. Все это, о чем тогда можно было частично догадываться, стало общеизвестным после обнаружения переписки Антона Павловича с Ольгой Леонардовной. В 1922 году я, приехав в Берлин, застал там Художественный театр, часто виделся с Ольгой Леонардовной. И вот однажды она сообщила мне, что в издательстве «Слово» находятся в печати письма к ней Антона Павловича, и дала мне для просмотра несколько присланных ей корректурных листов, прибавив: «Напрасно вам даю, вам будет неприятно кое-что читать». Знакомившись с содержанием, я ей советовал их пока не печатать, хотя бы потому, что многие из лиц, там поименованных, еще живы. Она ответила, что уже поздно, что она и деньги от издательства уже получила⁵⁸. Много позже, всего несколько лет тому назад эти письма вышли в Москве вместе с письмами к нему Ольги Леонардовны в прекрасном издании, под редакцией и с примечаниями Дермана.

Письма Чехова к жене стоят совершенно особняком в его богатом эпистолярном наследстве. Насколько вообще письма его исключительно интересны по содержанию, блещут умом, стилем, остроумием, настолько эти бесцветны, и, за исключением всего, относящегося к театру и постановкам, серы и неинтересны и могут дать совершенно ложное представление об их авторе, значительно уступая в интересе письмам Ольги Леонардовны, дающим не только богатый материал по истории Художественного театра первых лет его существования, но и касающимся часто разных сторон московской и петербургской жизни. В одном из своих писем ей он замечает: «Жене своей пишу только о касторке, пусть она простит своего старого мужа»⁵⁹. И это почти верно. Читая эти письма, я часто задавал себе вопрос, почему он в них так скучен, так неинтересен, явно и упорно избегая касаться вопросов общих, даже литературных. Это особенно непонятно потому, что его корреспонденткой являлась женщина очень умная, с многообразными интересами, исключительно занимательная собеседница. И для меня так и осталось непонятным и неразрешенным, почему барьер как раз в этом случае оказался особенно высоким и непроницаемым.

Он много пишет об умывании, о чистке зубов, мытье головы, шеи, о перемене белья, чистке платья, и можно подумать, что это неопрятный замухрыжка, которого обучают хорошим манерам и приводят в благопристойный вид. Конечно, у него было, вероятно, не мало привычек старого холостяка, и Ольга Леонардовна, вероятно, вносила в обиход много своего, женского, но я знал его как щепетильно-опрятного, необыкновенно аккуратного даже в мелочах, и у него всегда во всем царил образцовый порядок. Я никогда не видел у него кабинет небубанным

или разбросанные части туалета в спальне; и сам он был всегда просто, но аккуратно одет; ни утром, ни поздно вечером я никогда не заставлял его по-домашнему, без воротничка, галстука. В этом сыне мелкого лавочника, выросшем в крайней нужде, было много природного аристократизма, не только душевного, но даже и внешнего, и от всей его фигуры веяло благородством и изяществом.

Ольга Леонардовна в своих письмах все время звала его в Москву. Я всячески старался этому противодействовать. Отсюда ее старания по возможности мое влияние устранить. И Антон Павлович в письмах старается ее в этом отношении успокоить, жертвуя часто правдой. Он скрывает мои посещения, пишет иногда, что я стал редко бывать, хотя за последние годы вряд ли проходило 2—3 дня без того, чтобы я не заехал к нему. Пишет, что я не лечу его, а приезжал так, посидеть. И часто себе в этом отношении противоречит. В другой раз пишет: «Приходил А., требует от меня послушания; требует настойчиво и завтра явится выслушивать меня; опротивело мне все это»⁶⁰. Она отвечает: «Если тебе нужно, если тебе хорошо, умоляю, оставайся в Ялте; а что дальше будет, увидим»⁶¹. Он ей сообщает: «Кровохарканья здесь в Ялте не было ни разу, а в Любимовке (дача Алексеевых под Москвой, где они жили летом, и откуда он, чувствуя себя плохо, приехал один) оно было почти каждый день»⁶². На это Ольга Леонардовна отвечает: «Оставайся в Ялте совсем, на всю осень; это тебе будет очень хорошо и А. будет доволен. Напиши, что он тебе сказал»⁶³. «Третьего дня явился ко мне твой, как ты его называешь, враг А.». «Вчера А. был у меня и все поддразнивал, и я подозреваю, что ты подкупила его, чтобы он подольше удерживал меня в Ялте»⁶⁴. Пишет, что я был, но выслушать он мне не позволил. Но я ведь вообще выслушивал его, только когда это требовалось. И Ольга Леонардовна это знала. В 1929 году она в статье «Последние дни Чехова» в «Литературной газете» пишет: «Антон Павлович обыкновенно тяготился визитами врачей настолько, что даже наш постоянный врач и друг И. Н. А. всегда старался, и это ему удавалось, маскировать свои врачебные визиты к Антону Павловичу»⁶⁵.

Как я указал выше, во время и после своей болезни она в письмах, иногда в очень обидной форме, нападает и на Марию Павловну, единственную мою союзницу; негодует, почему только когда ее нет в Ялте, Антон Павлович лечится, чувствует себя хорошо, настроен хорошо; почему от Марии Павловны он принимает уход, заботы, а ее не допускает.

Отвечая в 1929 году на мой вопрос, читала ли она письма Чехова к Ольге Леонардовне (берлинское издание), Мария Павловна мне писала: «Письма к Ольге Леонардовне я не читала и даже книги у меня нет. Это издание заграничное, и у нас в СССР его не имеется. Я думаю, это хороший такт со стороны Ольги не давать мне читать этих писем. Я боюсь их читать: тяжело».

Думаю, что в письмах и настроениях Ольги Леонардовны за это время играли роль не одна только болезнь и вызванная ею нервозность. Как женщина умная, она прекрасно понимала ненормальность создавшихся отношений. Ольга Леонардовна вышла из совсем другой среды, из чопорной немецкой семьи, и она очень скоро и крепко вошла в чеховскую, слилась с ней, в частности полюбила и подружилась с Марией Павловной. Еще в 1900 году она писала Чехову: «Я совсем отвыкла от своих; это ужасно, но это так»⁶⁶. И поэтому она особенно болезненно чувствовала и переживала сдержанность, замкнутость Чехова. Еще до их брака она ему пишет: «Поболтай со мной попроще, пооткровенней; право, будет лучше, чем играть в молчанку»⁶⁷. И уж в 1902 г. опять: «Ты со мной ничем решительно не делишься, а еще называешь подругой». «Ты рассказал Маше о пьесе, которую задумал („Вишневым сад“), а мне

даже не намекнул». «Отчего мы не встретились молодыми? иными? Эх, Антон, Антон!»⁶⁸. Под влиянием болезни и вынужденной невозможности совместной жизни, как ей хотелось, это только все обострилось. Должен сказать, что все эти настроения оказались преходящими и были забыты, и дружба, связывавшая Марию Павловну с Ольгой Леонардовной, осталась такой же крепкой, и связь Ольги Леонардовны с семьей Антона Павловича после его смерти стала, пожалуй, еще крепче. Несколько мне известно, вдова его брата Ивана после смерти мужа совсем

ЧЕХОВ СРЕДИ СВОИХ ЯЛТИНСКИХ ЗНАКОМЫХ

Стоят (слева направо): начальница женской гимназии В. К. Харкеевич и М. Н. Харкеевич.
Сидят: Н. М. Белинская и В. Н. Харкеевич

Фотография, 1899 г.

Литературный музей, Москва

переехала к ней⁶⁹. Точно так же и мои дружеские отношения с Ольгой Леонардовной ничем не нарушались за многие годы, прошедшие после смерти Антона Павловича. В свои частые, хотя бы и краткие, наезды в Москву я всегда старался повидать ее, у нее дома или в Художественном театре, и потом за границей мы всегда встречались, как старые друзья. Только часто вспоминая в наших беседах Антона Павловича, мы как-то никогда не касались его болезни и лечения.

Летом 1903 года во время пребывания Чехова в Москве он показался проф. Остроумову⁷⁰, в клинике которого лежал в 1897 году. И Остроумов, который, как известно было, не одобрял ялтинского климата зимой, высказался за переезд его на зимние месяцы куда-нибудь в окрестности Москвы. Только строго запретил всякие заграничные поездки: «так как ты калека». Когда по возвращении в Ялту Чехов мне об этом рассказал, я всячески запротестовал, и он пишет Ольге Леонардовне: «Вчера А. долго говорил со мной о моей болезни и весь а

неодобрительно отзывался об Остроумове, который позволил мне жить зимой в Москве. Говорил, что Остроумов был выпивши»⁷¹. Последние слова Антон Павлович прибавил от себя, вероятно, для крепости, потому что, я уверен, сам понимал нецелесообразность этого совета, не только и не столько с точки зрения климатической, сколько принимая во внимание условия его московской жизни. Он писал тогда Вересаеву: «Не знаю, кого мне теперь слушать, что делать»⁷². Осенью 1903 года он не перестает лихорадить, один плеврит следует за другим, трудно поддающиеся лечению расстройству кишечника. Он уже не скрывает своего плохого самочувствия. Впервые не избегает говорить о своей работе, как трудно ему дописывать и переписывать пьесу «Вишневый сад». Он мог это делать только урывками. А Художественный театр, увлеченный своими задачами, связанный планом, все торопит скорейшей присылкой пьесы. И Ольга Леонардовна почти в каждом письме пишет о том же. Он ей отвечает: «За пьесу не сердись; медленно переписываю, потому что не могу писать скорее»⁷³, и в другой раз: «Ты дедаешь мне выговор зато, что у меня не готова еще пьеса. Моя лень тут ни при чем. Если бы я был в силах, то написал бы не одну, а 25 пьес»⁷⁴.

И в отношениях Художественного театра к Чехову менее всего можно, конечно, допустить пренебрежительность, недостаточно внимательное отношение к его здоровью. Все участники труппы, начиная с главных персонажей, любовно относились к Чехову, который по их настоянию стал и пайщиком товарищества Художественного театра и которого они считали своим близким человеком. В надписи на фотографии, подаренной мне в 1922 году в Берлине К. С. Станиславским, имеются, между прочим, и следующие слова: «Мы вместе любили Чехова, радовались ему и оплакивали его», и это, несомненно, очень искренние слова. Но увлеченные созданием нового, непохожего на другие, театра, целиком отдавшиеся этой задаче, горевшие ею, они, считая новую пьесу чрезвычайно важною частью их намеченного плана, не замечали остального.

Повторяю, то, что случилось, при сложившихся обстоятельствах стало неизбежным, фатальным. Но, когда в одном из писем Чехова к жене мы читаем: «Реши ты (дело идет о его поездке в Москву), ибо ты человек занятой, рабочий, а я болтаюсь на этом свете, как фиголька»⁷⁵, то мы, читатели и почитатели Чехова, согласиться с этим никак не можем. И когда в другом письме, указывая на то, что во вновь снятой в Москве квартире на третьем этаже лестница высокая и лифта нету, и что ему трудно будет с его одышкой подниматься, он кончает словами: «Ну да ничего, как-нибудь взберусь»⁷⁶, то я, врач, не могу не думать о том, какое роковое влияние эта лестница должна была оказать на его и так уже ослабевшее сердце.

В конце 1903 года он везет, наконец, законченный и переписанный «Вишневый сад» в Москву⁷⁷. Здесь по 3—4 часа в день он, волнуясь, принимает живое участие во всех репетициях пьесы. Это как раз разгар сезона, и по вечерам он нередко опять в театре на спектаклях. Все же свободное от театра время толкуют посетители; совершаются прогулки по Москве; был и в бане... 17 января, в день его рождения и именин, премьера «Вишневого сада» и чествование Чехова на открытой сцене после третьего акта. «А он, — пишет в своих воспоминаниях К. С. Станиславский, — мертвенно бледный и худой, стоя на авансцене, не мог унять кашля<...> Из зрительного зала ему крикнули, чтобы он сел» и прибавляет: «от юбилея отдавало похоронами»⁷⁸. И Ольга Леонардовна в 1929 году, вспоминая этот день, пишет («Прожектор», № 28): «Было беспокойно, в воздухе висело что-то зловещее. Не было поры чистой радости в этот вечер 17 января; это верно».

В начале февраля Ольга Леонардовна везет его в Царицыно под Москвой осматривать усадьбу. На обратном пути опоздали к поезду и верст 30 проехали на лошадях в довольно сильный мороз. И Ольга Леонардовна, говоря об этой поездке в предисловии к переписке, отмечает: «Антон Павлович наслаждался. Точно судьба решила его побаловать и дала ему в последний год жизни все те радости, которыми он дорожил: и Москву, и зиму, и постановку „Вишневого сада“, и людей, которых он любил»⁷⁹. После вышеприведенных замечаний о чествовании эти слова являются несколько неожиданными.

В середине февраля Антон Павлович вернулся в Ялту в значительно худшем состоянии, чем уехал, но оживленно рассказывал про чествование, речи, показывал многочисленные поднесенные ему в этот вечер подарки и комически жаловался, что кто-то, должно быть, нарочно, чтобы досадить ему, распустил слух о том, что он любитель древностей, а он их терпеть не может. Среди подношений действительно были модель древнего русского городка, старинный ларчик и между прочим чернильница XVIII в. На мое замечание, что все это красиво и что, в частности, чернильница мне очень нравится, он ответил: «Да что вы, ведь теперь песочком не посыпают, есть пропускная бумага, и гусиных перьев тоже нет». Потом с милой улыбкой прибавил: «Ну вот, если очень нравится, я распоряджусь, чтобы в наказание вам эту чернильницу после моей смерти и вручили». Как он ни был плох, я тогда все-таки не мог предполагать, что чернильница уже через несколько месяцев действительно перейдет ко мне. Он пробыл в Ялте до конца апреля; здоровье, если и стало чуть лучше, то во всяком случае внушало мало надежды. Временами он оживлялся, строил всякие планы на будущее, мечтал засесть за работу, говоря, что в голове многое уже созрело. Собирался, если поправится как следует, с наступлением тепла поехать на войну, из-за которой очень волновался, и поехал именно врачом, «так как врач может больше видеть»⁸⁰. Но чаще бывал молчалив, сосредоточенно задумчив, и он, никогда раньше не жаловавшийся на здоровье, говорил, что устал, что хочет по-настоящему отдохнуть, набраться сил. Все чаще заставлял я его сидящим в кресле или в нише на диване без газеты, без книги в руках. О чем он думал? Я уверен, что не только о литературе и житейском.

В конце апреля в довольно скверном общем состоянии он, как и было условлено, уехал в Москву, куда должен был вернуться из Петербурга и Художественный театр. В дороге простудился, получил резкое обострение, плеврит с необычно высокой для него температурой, и немедленно по приезде слег и не вставал до самой поездки в Баденвейлер, куда направил пользовавший его в это время в Москве д-р Таубе, врач семьи Книппер. Ни один из знавших и лечивших его раньше врачей не был привлечен, ни д-р Щуровский, ни проф. Остроумов. Последний ведь еще раньше решительно высказался против всяких заграничных поездок⁸¹.

Перед отъездом Антон Павлович уговаривал меня в начале моего отпуска в конце мая заехать в Москву, чтобы, шутя прибавил он, «спасти его от немцев». Но я в тот год не мог оставить Ялту раньше середины июня, да и все равно считал свою поездку бесполезной. В последнем полученном мною от него из Москвы письме, от 26 мая, он пишет, что, как приехал в Москву, так ни разу еще не одевался, что 3 июня уезжает за границу, а в августе будет в Ялте. «Теперь лежу на диване и по целым дням от нечего делать все браню Остроумова и Щуровского. Большое удовольствие»⁸². Ольга Леонардовна впоследствии с возмущением мне рассказывала, как в Берлине в Савой-отель к Чехову приехал приглашенный известный клиницист проф. Эвальд. Внимательно исследовав больного, он развел руками и, ничего не сказав, вышел. Это, конечно, было

жестоко, но развел он руками наверно в справедливом недоумении, зачем и куда такого больного везут.

Когда 3 июля в пасмурное дождливое утро на Рижском взморье мне подали телеграмму с извещением о смерти Антона Павловича, я не о том подумал, что Россия потеряла любимого своего писателя в самом расцвете его творческого дара, а остро и болезненно почувствовал, что ушел из жизни человек большой душевной красоты и исключительного обаяния. Чуткий к чужой беде и чужому горю и всегда всем старавшийся помочь, он сам кротко, безропотно и молча переносил свои недуги и печали. И больно угнетало сознание, что эта преждевременная смерть не была неизбежной, а в значительной мере явилась следствием неблагоприятно сложившихся обстоятельств.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Напечатаны в журнале «Современные записки», Париж, 1930, XLI, под заглавием: «О Чехове. Из воспоминаний».

² М. П. Чехова написала эти слова в ответ на письмо Альтшуллера от 19 июля 1929 г. (см. его текст выше, в предисловии к настоящей публикации).

³ Сергей Яковлевич *Елпатьевский* (1854—1933) — писатель, врач.

⁴ Чехов приехал в Ялту 18 сентября 1898 г.

⁵ Диагноз был поставлен в клинике проф. Остроумова, где Чехов лежал с 25 марта по 10 апреля 1897 г.

⁶ В Ницце Чехов прожил с 23 сентября 1897 г. по 12 апреля 1898 г.

⁷ Иван Иванович *Орлов* (1851—1917). Заведовал лечебницей Московского губернского земства близ Подсолнечной (ныне г. Солнечногорск).

⁸ Чехов приступил к постройке дачи на приобретенном им участке в Аутке в середине ноября 1898 г.

⁹ Чехов жил у Альтшуллера на даче Иванова две недели, в октябре 1898 г.

¹⁰ Об отношении Толстого к Чехову писал также Л. А. Сулержицкий (неизданное письмо к Чехову из Лиона, январь 1901 г.): «Лев Николаевич (...) очень хотел вас видеть и поджидал вас все время к себе; он говорит, что несколько раз собирался быть у вас, и зашел бы непременно, но его останавливало то, что ему показалось, когда он был у вас, что его посещение было вам как-то стеснительно. „Но непременно передайте ему, что я его очень люблю и всегда был бы рад его видеть“».

¹¹ А. П. Саломон, ездивший в 1898 г. на Сахалин, посетил Чехова в Ялте в 1899 г. О своей беседе с ним Саломон вспоминает в письме к Чехову в 1902 г.

¹² См. письма Чехова Л. А. Авиловой от 26 февраля 1899 г. (XVIII, 94), А. М. Горькому от 3 января 1899 г. (XVIII, 11), В. А. Поссе от 3 марта 1901 г. (XIX, 50).

¹³ Имеется в виду статья Н. К. Михайловского о сборнике рассказов Чехова «Хмурые люди», напечатанная впервые в «Русских ведомостях», 1890, № 104, от 18 апреля, в которой автор писал: «Чехову все едино — что человек, что его тень, что колокольчик, что самоубийца... Нет, не „хмурых людей“ надо бы поставить в заглавие всего этого сборника, а вот разве „Холодная кровь“ <заглавие одного из рассказов Чехова>. Чехов с холодной кровью пописывает, а читатель с холодной кровью почитывает».

¹⁴ Вероятно, имеется в виду статья Н. К. Михайловского «Литература и жизнь. Кое-что о Чехове» в «Русском богатстве», 1900, № 4, стр. 119—140.

¹⁵ Это высокомерное суждение, повторяющее ранние высказывания Михайловского, взято Альтшуллером из статьи Струве «Скорбь (Памяти А. П. Чехова)», напечатанной в эмигрантской газете «Россия и славянство» (Париж, 1929 г., № 33, от 13 июля).

¹⁶ Из письма Чехова к А. С. Суворину от 9 марта 1890 г. (XV, 28—31).

¹⁷ Всероссийская перепись населения состоялась в январе 1897 г.

¹⁸ Этот спектакль состоялся 11 января 1902 г.

¹⁹ Чеховым были получены две телеграммы: «Врачи товарищи, члены VIII Пироговского съезда русских врачей, присутствующие сегодня в Художественном театре на представлении „Дяди Вани“, шлют горячо любимому автору, своему дорогому товарищу выражение глубокого уважения и пожелание здоровья»; «Земские врачи глухих углов России, видевшие в исполнении художников произведение врача-художника, приветствуют товарища и навсегда сохранят память об 11 января».

²⁰ Печататься в «Новом времени» по отношению к делу Дрейфуса заставила Чехова порвать и с Сувориним. Именно с этого времени дружба их прекратилась. Были еще редкие письма, было несколько встреч, когда Суворин приезжал в Ялту, но Чехов считал уже их переписку прекратившеюся. Так, например, в письме М. П. Чехову от 3 декабря 1899 г. Чехов писал: «С Сувориним давно уже прекратил переписку (дело Дрейфуса)» (XVIII,

275), о том же писал Н. И. Коробову 23 ноября 1903 г.: «С Сувориным я давно уже не переписываюсь» (XX, 191).

²¹ М. П. Чехова сообщала, что Суворин передал ей письма к нему Чехова, поставив условием возвращение его писем, сохранившихся в архиве Чехова.

²² «Освобождение» — русский журнал, выходивший два раза в месяц, под редакцией П. Б. Струве, сперва в Штутгарте, затем в Париже. Просуществовал с июля 1902 г. по 18/31 октября 1905 г.

²³ Из письма Чехова к Суворину от 7 января 1889 г. (XIV, 289—291).

²⁴ См. XII, 335.

²⁵ Кандидатуру Михайловского в почетные академики Чехов выдвигал и в письмах к А. Н. Веселовскому от 5 декабря 1901 г. (XIX, 184).

²⁶ Имеется в виду М. И. Водовозова, заведующая беллетристическим отделом журнала «Начало», органа «легальных марксистов» (1899).

²⁷ В журнале «Жизнь», 1900 г., № 1, была напечатана повесть Чехова «В овраге».

²⁸ Об этом же писал Куприн, вспоминая свою беседу с Чеховым в начале 1900-х годов: «Обратите внимание,— говорил он,— что все более и более редкими становятся преступления вроде убийства, насилия и воровства между людьми интеллигентных профессий: докторами, инженерами, адвокатами, учителями... Следовательно, человеческое образование содействует прогрессу в нравственном смысле» («Последние известия», Ревель, 1922, № 3, от 4 января).

²⁹ Из писем к Суворину от 11 сентября 1888 г. (XIV, 165) и к Григоровичу от 28 марта 1886 г. (XIII, 192).

³⁰ Здесь Альтшуллер ошибается, так как Чехов действительно, в беседе с Г. И. Россолимо, выражал желание получить кафедру частной патологии и терапии и вернуть этот курс по своеобразнейшей программе, где «весь центр тяжести лежал бы в освещении субъективной стороны болезненных явлений при различных страданиях». Россолимо ставил перед деканом медицинского факультета проф. И. Ф. Клейном вопрос о возможности посчитать «Остров Сахалин» диссертационной работой, чтобы дать Чехову право преподавать в университете, но предложение Россолимо было отклонено (см. воспоминания Россолимо о Чехове в сб. «Чехов в воспоминаниях современников»).

³¹ Строки из автобиографии Чехова, посланной им в письме к Россолимо, от 11 октября 1899 г., для альбома врачей выпуска 1884 г. (XVIII, 243—244).

³² См. эту записку в разделе «Письма Чехова».

³³ У Чехова было кровохарканье в декабре 1884 г. (см. письмо Чехова Н. А. Лейкину от 10 декабря 1884 г.— XIII, 119).

³⁴ Об этом заболевании Чехов писал А. Н. Плещеву 9 февраля 1888 г.: «...я в дороге однажды заболел перитонитом (воспаление брюшины) и провел страдальческую ночь на постоялом дворе Мойсея Мойсеича» (XIV, 37). Вспоминает также М. П. Чехов: «В 1875 году Антон тяжело заболел (...) Иван Парфентьевич пригласил к себе погостить Антона. По дороге в имение потный Антоша выкушался в холодной реке и захватил перитонит в самой тяжелой форме» («Вокруг Чехова», М.—Л., 1933, стр. 51, и «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 71).

³⁵ Из письма Суворину от 14 октября 1888 г. (XIV, 193).

³⁶ См. выше примечание 16 к воспоминаниям Бунина.

³⁷ В письме Суворину от 18 ноября 1891 г. (XV, 263—264).

³⁸ Чехов это сказал в беседе с Сувориним. См. запись в «Дневнике А. С. Суворина». М.—Пг., 1923, стр. 150.

³⁹ В письме к Книппер от 21 октября 1903 г. (XX, 159).

⁴⁰ См. «Переписку Чехова и Книппер», т. I, стр. 126.

⁴¹ Письмо-завещание написано 3 августа 1901 г. (XIX, 114—115).

⁴² У Чехова в это время были идела: постройка школы в Мелихове и продажа имения.

⁴³ См. в настоящем томе письмо Чехова к Альтшуллеру от 24 апреля 1899 г.

⁴⁴ Книппер гостила у Чеховых в Мелихове три дня в мае 1899 г.

⁴⁵ Встреча не в Батуми, а в Новороссийске и совместная поездка морем в Ялту состоялась в июле 1899 г. В Ялте Книппер жила в семье д-ра Л. В. Средина.

Встреча в поезде Тифлис — Батум была в июне 1900 г.

⁴⁶ Книппер приехала в Ялту вместе с М. П. Чеховой в первых числах апреля 1900 г., но уехала в Москву вместе со всеми артистами 24 апреля. Чехов же приехал в Москву 6 мая 1900 г.

⁴⁷ Книппер гостила у Чехова в Ялте с конца июня до 5 августа 1900 г.

⁴⁸ Чехов приехал в Москву 23 октября 1900 г. и 11 декабря 1900 г. уехал за границу.

⁴⁹ Об этом писал М. М. Ковалевский в воспоминаниях о Чехове: «Когда я вспоминаю о Чехове, мне живо приходит на ум ночь, проведенная с ним в одном поезде по дороге в Рим (ночь с 30 на 31 января 1901 г.). Нам обоим не спалось. Мы разговорились о своих планах и надеждах. „Мне трудно,— сказал он,— задаться мыслью о какой-нибудь продолжительной работе. Как врач, я знаю, что жизнь моя будет коротка“» («Биржевые ведомости», 1915, № 15185, 2 ноября).

- ⁵⁰ Чехов приехал в Москву 9 мая 1901 г., а 17 мая был у доктора Щуровского.
- ⁵¹ Из письма к М. П. Чеховой не от 24, а от 20 мая 1901 г.
- ⁵² Подлинник этого письма Книппер к Альтшуллеру передан в 1959 г. его сыном Григорием Исааковичем Альтшуллером (США) в Рукописный отдел ЛБ. В выдержке из этого письма, приведенной у Альтшуллера, нами исправлен по подлиннику ряд неточностей.
- ⁵³ В письме от 27 сентября 1900 г. (XVIII, 399).
- ⁵⁴ В письмах от 12 января 1902 г. и 4 декабря 1901 г. («Переписка Чехова и Книппер», т. II, стр. 236 и 127).
- ⁵⁵ Письмо от 16 марта 1901 г. (XIX, 61—62).
- ⁵⁶ См. эти воспоминания в сб. «Чехов в воспоминаниях современников».
- ⁵⁷ Заболевшую Книппер привезли из Петербурга в Ялту 14 апреля 1902 г. В Москву Чехов и Книппер уехали 25 мая 1902 г.
- ⁵⁸ Эта книга вышла в Берлине, в издательстве «Слово», в 1924 г.
- ⁵⁹ Из письма к Книппер от 25 февраля 1903 г. (XX, 56).
- ⁶⁰ Из письма к Книппер от 18 августа 1902 г. (XIX, 317).
- ⁶¹ Вероятно, это не совсем точная выдержка из письма Книппер от 23 августа 1902 г. («Переписка Чехова и Книппер», т. II, стр. 458).
- ⁶² Из письма к Книппер от 22 августа 1902 г. (XIX, 322).
- ⁶³ Из письма Книппер от 23 августа 1902 г. («Переписка Чехова и Книппер», т. II, стр. 458).
- ⁶⁴ Из писем к Книппер от 25 сентября 1903 г. (XX, 138), от 14 марта 1903 г. (XX, 68) и от 29 августа 1902 г. (XIX, 329).
- ⁶⁵ См. «Литературную газету», 1929, № 13, от 15 июля.
- ⁶⁶ В письме от 23 августа 1900 г. («Переписка Чехова и Книппер», т. I, стр. 169).
- ⁶⁷ В письме от 21 апреля 1901 г. (там же, стр. 390).
- ⁶⁸ Из писем Книппер от 14 и 15 января и от 16 марта 1902 г. (там же, т. II, стр. 242, 245 и 382).
- ⁶⁹ С. В. Чехова переехала к Книппер в 1922 г. после смерти И. П. Чехова.
- ⁷⁰ У проф. Остроумова Чехов был 24 мая 1903 г. В этот день он писал М. П. Чеховой об этом посещении: «...он долго выслушивал меня, выстукивал, ощупывал, и в конце концов оказалось, что правое легкое у меня весьма неважное, что у меня расширение (эмфизема) и катар кишек и проч. и проч. Он прописал мне пять рецептов, а главное — запретил жить зимою в Ялте» (XX, 101).
- ⁷¹ Из письма от 2 октября 1903 г. (XX, 143).
- ⁷² Из письма от 5 июня 1903 г. (XX, 106).
- ⁷³ Из письма от 3 октября 1903 г. (XX, 144).
- ⁷⁴ Из письма от 4 марта 1903 г. (XX, 62—63).
- ⁷⁵ Из письма от 6 марта 1903 г. (XX, 64).
- ⁷⁶ Из письма от 11 апреля 1903 г. (XX, 82).
- ⁷⁷ Чехов не «повез» «Вишневый сад», а послал его из Ялты 14 октября 1903 г. В Москву он приехал 4 декабря.
- ⁷⁸ См. книгу К. С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве», гл. «Вишневый сад».
- ⁷⁹ Чехов ездил в Царицыно смотреть продававшуюся там зимнюю дачу 14 февраля 1904 г. Об этой поездке Книппер вспоминает в предисловии к книге «Переписка Чехова и Книппер», т. I, стр. 43.
- ⁸⁰ Чехов писал А. В. Амфитеатрову 13 апреля 1904 г.: «Если буду здоров, то в июле или августе поеду на Дальний Восток не корреспондентом, а врачом. Мне кажется, что врач увидит больше, чем корреспондент» (XX, 268).
- ⁸¹ Чехов выехал в Москву 1 мая 1904 г., а 3 июня он и Книппер уехали за границу, в Баденвейлер. Живший в Ялте двоюродный брат Чехова, Г. М. Чехов писал в конце июня 1904 г. в Таганрог А. Б. Тараховскому, что доктор Альтшуллер, «хорошо знавший легкие и сердце Чехова», с возмущением отзывался о процессе лечения Чехова в мае и июне докторами Таубе и Шверером: «Отнимут у него лишний год жизни. Погубят Чехова» («Приазовская речь», 1910, № 42).
- ⁸² См. это письмо в разделе «Письма Чехова».